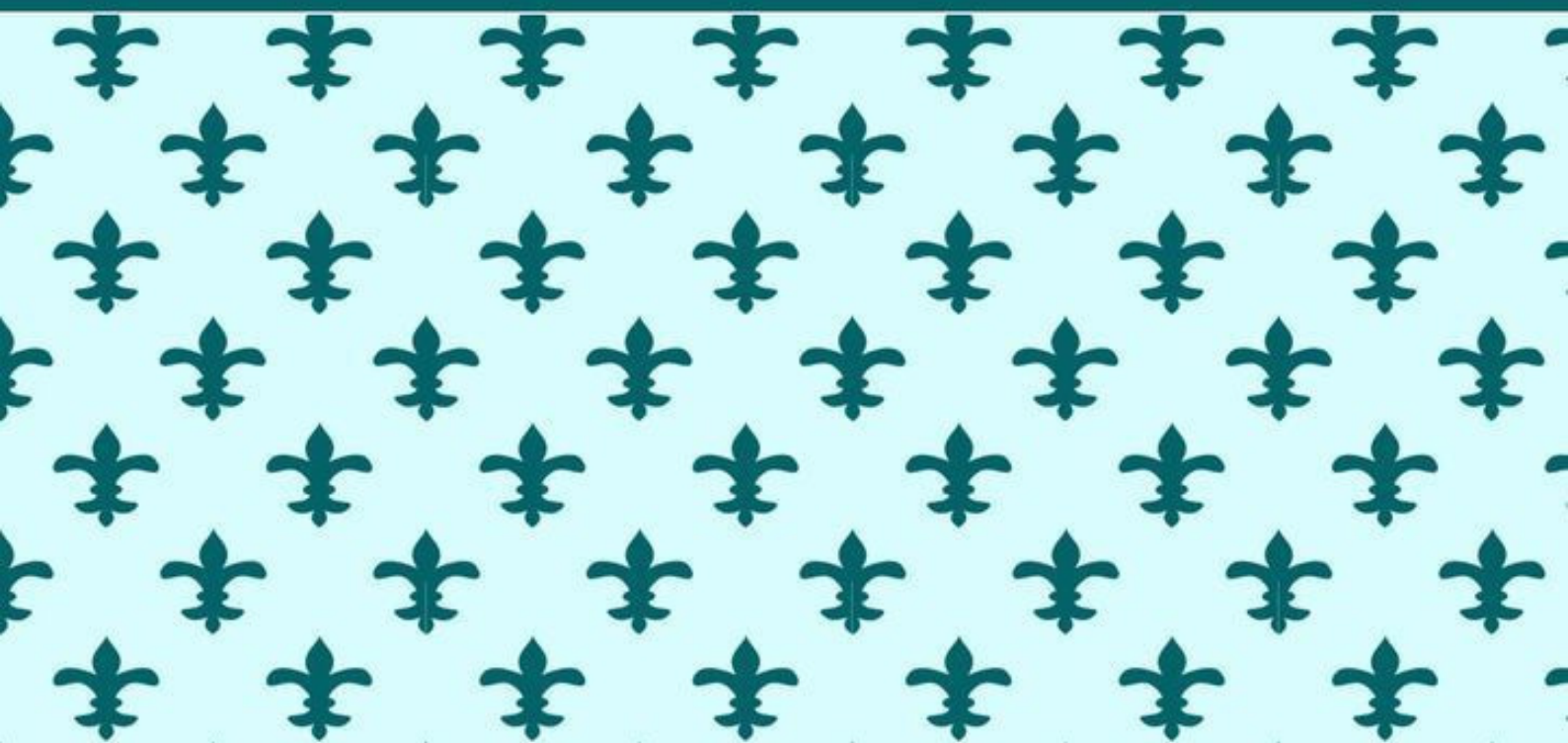

18+

Алекм Сомм

Следил суровый окуляр

Сборник рассказов

Алекм Сомм

**Следил суровый окуляр.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Сомм А.

Следил суровый окуляр. Сборник рассказов / А. Сомм —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593995-1

В сборнике описываются наблюдения автора за судьбами различных людей,
неразрывных с судьбой их родины, переживающей непростые времена

ISBN 978-5-00-593995-1

© Сомм А.
© Издательские решения

Содержание

ЁЖИК ПО ДОРОЖКАМ БЁЖИК, НЕ ДЕТСКОЕ	6
ГАРАЖ	12
ВСЁ БУДЕТ ГУДЕРМЕС!	15
ЮДИФЬ ИЛИ ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ	18
ДЕЛО О ПЕНТАКЛЕ. ЭПИЗОД I	21
САША НАША	23
СЕЗАМ НЕПРИКАЯННЫЙ. ЭПИЗОД II	25
САРКОИДОЗ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Следил суровый окуляр

Сборник рассказов

Алекм Сомм

© Алекм Сомм, 2022

ISBN 978-5-0059-3995-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЁЖИК ПО ДОРОЖКАМ БЁЖИК, НЕ ДЕТСКОЕ

Верес остановился в напрасно сгустившейся тени под вязом, не видя смысла продолжать движение по дорожке вдоль деревьев, охваченных зелёным пламенем молодой листвы. Ни единого признака любимой вокруг, её всевидящего глаза. Только надрывно сосущая грудь жажда, которая отнюдь не от жары. Снова закрутил в пальцах сигарету, выбрав своим занятием изучение пожелтевших костяшек пальцев. Здесь заканчивался его путь по оглушительно просторным набережным, словно по подмосткам неизвестного никому, кроме него, театра.

– Твоё место не здесь...

Он оглянулся, словно кто-то произнёс эти слова вслух.

Где нынче идёт война?

Где в бессмысленной схватке легионеры поднимаются в последнюю атаку и падают один за другим в чужую траву под раскалёнными пальцами, и по их телам в мундирах без знаков различия топчут ботинки чернокожих боевиков, кольцо окружения сжимается, и пуля из китайского калашникова разрывает наконец холодную сердечную мышцу?

«Моя любовь осталась на виду беспечной осени. Во всём пора признаться: что проще умереть во сне, в бреду, чем жить в разлуке, как в неспешном танце (сорвавшимся листом). Один..один... с замедленной казнью до седин, мне листопад откроет метку смерти в изжелта красном фирменном конверте.»

А до того с ним была зима, когда он пребывал в коконе глухоты, в стадии личинки или болезни, или преддверия. Она, его любимая женщина, ссылаясь на депрессию, хотя очевидно было, что избегает его. Предложила пожить врозь.

Каждый день воздержания приближает нас к вечному покою...

День ...цатый. Он налил водки просто в фужер и выпил механически, как воду. Вторая часть ноктюрна зазвучала приглушённо и пленительно, окутывая нежной сетью, затягиваясь горлом ту же и ту же. Верес встряхнул головой и громко простонал. Он писал ноктюрен для неё все эти студёные месяцы, ноты вспыхивали страстью, когда он тянул замёрзшие руки к огню конфорки и яростно дрожал от разлуки. Всё написанное отсылал ей раз за разом и улыбался одержимо, читая в ответ снова и снова:

– Не.. Мо-ё...

После Шопена никто такого не писал. Когда он ловил пальцами клавиши, белые, белые, а больше чёрные, для неё они были все чёрными. Если бы раны могли говорить, то боль выбрала бы этот язык, невероятный, как возможность исцеления. Средняя часть ноктюрна продвигалась вперёд как никогда, и это было невозможно остановить, даже если бы он пытался. Морозный ветер словно силился сорвать его с балкона, куда он выходил с сигаретой бессонными ночами, и здесь отзывались прозрачные, звонкие стаккато. Целый лес заиндевеливших серебром дирижёрских жезлов раскачивался перед ним. Это уличные фонари вспыхивали сквозь тополиные ветви. Он силился вырвать свою любовь из волглового тумана оседлости, мучимый предчувствием, что теряет её день ото дня. И вкус рюмки, как сосновых побегов его детства, меркнул на его губах перед иной памятью. Её лёгкие поцелуи, падающие навзничь на лицо вместе с ливнем молочных в лунном свете волос, и пылающий висок, сладко коснувшийся вскользь жадных губ. Он просыпался, с сухими глазами, утопая в таком безбрежном

одиночестве, которое могла поселить в сердце только близость последней черты, ощутимая уже однажды, когда он умирал от чудовищной пневмонии в полуторагодовом возрасте. От него отказалась больница, он впадал в дрёму стоя, не выпускаем с бабушкиных рук, а всё существо его уже прощалось с миром, противилось, но не находило сил.

Не шатаясь, он зашагал в караоке и развалился в кресле с микрофоном наперевес:

– Тебе не верится, не нравится

А я такой, а ты красавица

Я восемь дней в неделю пьяница

А ты – сама, а ты – красави-ца-а...

Отразившись от стеклянных столов и огромных мониторов, он выступил под проливной дождь в любимом ею вельветовом пальто в ночные улицы. Верес двинулся прочь, ведомый оцеплением молчаливых городских фонарей, ограждавших его от прежней жизни, полной мучительного счастья. Как Дуремар со своим сачком, фланировал он по большому городскому кругу в поисках живых душ, но не желал сближаться. Мимо портретов кандидата в депутаты Чебуравко, мимо озадачивших его баннеров партии «Проктологи во власть!», он задержался было у листовки объединившихся проктологов и гаишников «Союза меч и орала», но окончательно ускорился после плаката:

«И-и-и тут! Для желающих испражниться – новый хит сезона!»

Плечи намокли, и любой путь неизбежно находит препятствие.

Он просто наткнулся на узкий переулок с льющимся оттуда светом, Вереса ударило в грудь. Он вырвался из петли прежней жизни и увидел коридор времени. Его повлекло вперёд словно смертельно раненное авто всесильным эвакуатором. Дерево, фонарь, старый «уазик». Но дальше был только тупик. Что-то подтолкнуло его к ржавой табличке на углу покосившегося дома, куда едва дотягивался фонарный свет.

Это был message:

Дом №4. ...N – ский С.С.»

Не веря глазам, он попятился назад, словно перед валтасаровыми письменами.

И ослеп...

Глаза лишь зеркало, в котором изнутри всплывают слайды из прошлого. Все зацепки сложились в стройную мозаику. Он наяву стоял у разгадки, и на стене перечитывал распечатку озарения. Фамилия и инициалы, её любовника, так они были схожи с вывеской. Верес слился со своей тенью, его затопила чернота, которая вечно дремала где-то внутри, едва заметным пятнышком, которого он даже не чувствовал.

Всегда сторонясь зла.

Руки протянулись сквозь жилые кварталы и парки, и пальцы сомкнулись на мраморной шее.

Он уже отдал всю кровь капля за каплей, день за днём, месяц за месяцем, ничего не осталось. Теперь пришло время закапывать камни, стыдиться своей любви. И карать неверных. На балу этой жизни есть парочка лишних билетов. Пепел сожжённых одуванчиков нескольких неповторимых вёсен, покрывающий тротуары, под действием ливня превратился в грязь.

Give rease a chance... Пожалуй, несколько взорванных мостов за спиной не обеднят инфраструктуру проклятого города.

А потом – просто загасить огонёк свечи...

Баклажаны он никогда не вымачивал, в соли или без соли. Просто они освобождались от кожуры и резались кубиками.

Смеркается в глазах от близости её улыбки на заднем сиденье пустой маршрутки. А судя по искрящимся зрачкам, у неё впереди целая жизнь. Держа её за плечи, Верес признавал это место самым уютным уголком на земле. Он поставил в душе памятник жёлтому Летучему Голландцу, безвозвратно канувшему в тот промозглый вечер.

Укладываются в прозрачную термостойкую посуду попеременно с порубленной бройлерной курицей. Овощи высятся душистой горкой.

Робкий мороз после nightclub на стоянке такси, когда он не устоял и схватил её в объятия для бесконечного поцелуя на виду у всего таксопарка.

Лук кольцами, чеснок слайсами, томат – паста и майонез. Этот радостный хаос – моя палитра. Соль йодированная мелкая.

Они впервые целовались в постели всю ночь, так и не раздевшись, все её колготки обрели в катышки. А перед этим две недели забрасывал её стихами, пока она пряталась от него, беззубая, рвался на встречу, безутешный, пока она терроризировала ошалевшего дантиста. Любовь – это блюдо, которое должно созреть в нужных пропорциях. Как соус сациви нужно разбавлять молоком, иначе он будет густо приторным.

Весь «цимес» в том, чтобы приправить сушёной «Приправой для гриля» из пакетика «Цикория» – там есть можжевельник... В СВЧ на полную мощность на 40 минут – и закуска готова.

Была у девочки шапочка лыжная, шлёмом из бывших советских времён. Лыжные палки у ней сохранились. Свитер, трико, и он фотал её, с палками прямо на фоне окна. Дева смеялась, а он закружился, и оказался за нежной спиной. Долго смеялась, за палки держалась, в шапочке лыжной нагая она.

Хотя на месте баклажанов может быть много крупнотёртой моркови, а вместо курицы – куски судака.

Такая приправа (Цикория!) – только у поляков.

И разрезанный лайм на столе, две ароматные разделённые навек половинки.

Последний, самый крупный, осколок её любви разломился в его пальцах, когда он наотрез отказался от встречи с ней. Кусок пластика банковской карты, отвергнутый банкоматом. Он напрочь забыл пин-код, но не мог себя заставить поехать к ней за конвертом, заблокировал карту, и тут она сама предложила встречу после долгого молчания. Без денег, отмечая её звонки, Верес помчался прочь, исчезнув на сутки у друзей.

Потом уместно вспоминалось, как они с тёщей методично заблаговременно прибирали его наличность и активы к рукам. Готовились видно.

Редко кому удаётся встретить в жизни настоящего врага, а многим это и не суждено, как и много чего другого. Настало время, и он его встретил, своего единственного беспощадного врага. Который единственный причиняет непомерную нестерпимую боль: выше страха смерти, выше страха причинить боль своей матери и близким.

Этим врагом стала её любовь, которая поджидала его всю жизнь и однажды встала на пути голубоглазым белокурым вихрем.

Как хотелось бы забыть контур виолончели в зеркальной двери шкафа прихожей. Она стояла голой и на мобилсвязисмамой. Он высился в сумраке за её спиной, ласкал перед зеркалом руками и губами и наслаждался тактильным вкупе с воркованием в трубке. Вкупе было часто растущее раздражение: окунувшись в постель, каждый раз он ожидал «позвонка» от тёщи. Но он гремел как иерихонские трубы всегда неожиданно. Отключить телефон было невозможно, тёща скандалила.

Память – разная. И у неё и у него. Он заходился от гнева, а она хохотала раскатисто сотнями фарфоровых колокольчиков, откованных в небесной мастерской. Как стук в двери его судьбы небесной десницей. Он бледнел неузнаваемо, колюче, и звался «ёжиком». Оттого что в минуты одержимости его причёска пружинилась жёсткой шапкой. Волосы – «как набитые». Он вступал в постель как в сражение до тех пор, пока не сдавался последний сантиметр её тела.
– ...бобик сдох...

А потом было предательство...

Как будто убили близкого человека. Он никогда не думал, что любовь – это живое существо, и вот его убили... Ведь это она его убила. Растаптывала замедленной казнью без пищи и воздуха, без света и сна.

Как чёрные вести от чёрной души, каждое её предательство было отмечено зловещей тризной городских ливней, захлёстывающих всклинь городские стены.

«Бисмилляхи рахман рахим...» Кривой арабский кинжал гулял по его груди, пересыпанный то ли золой, то ли истёртым прахом. Но рассыпались под ладонями гладкие камушки и речные ракушки, и ведунья мрачнела, сворачивая их в полотенце, карие восточные глаза чернели. Она спасти пыталась, предотвратить, но он не различал тогда знаков её голоса, охваченный своими.

Для другой ясновидящей столь многое было сокрыто от вещего взгляда. Потусторонние засовы она не взламывала, а отворяла мягко от вечера к вечеру. И вышло, что неспроста стояла в уголке серванта бутылка шампанского, перевязанная ленточкой от бывшей свекрови. Заговорённая против ребёнка. Шампанское отдано, и красная ленточка сожжена в степи вместе с нижним бельём.

Почему не останавливается сердце?

Почему она не убила нас тогда, бросив руль на обгоне, и машина должна была попасть в вилку между попутной «скорой» и встречной?

Он улыбался всеми своими свежевычищенными зубами, рубашка едва ли не хрустела после глажки.

Я иду к своей любимой, дайте мне чесноку и серебряных пуль!

В ЗАГСе он держался даже лучше, чем мог себе представить. Перед подписью она кинула на него украдкой взгляд – хорош, и его сплющило: он увидел по её лицу, как в отражении: ребёнок ударил ножкой в её живот.

«Любовь – кумар, полюбишь и порнстар».

Солнце щедро изливалось на свежие сугробы во дворах многоэтажек, и снег, утыканный мириадами алмазных булавок, отзывался неземным сиянием.

Верес шёл за деньгами, обещала бывшая жена. В карманы джинсов – два полиэтиленовых пакета (там будет «мама»). Любимая находилась в распахнутом халате, мама на кухне: что ещё нужно, чтоб встретить старость.

*

...Верес шагнул в прихожую и встал, улыбаясь, отвечал на вопросы, мешкал. По левую руку, на низком трюмо, виселось фото девочки в аляповатой рамке. Дитя порока...

Выпить чаю расположились на кухне, по сторонам прямоугольника стола. После получения денег он произнёс речь, ничего не стоящую, кроме того, что в завершении он хлестко ударил раскрытой ладонью «бывшую» по щеке. Тёща охнула и осела на стуле. Верес ловко надел пакет на голову любимой с вопросом:

– Кто отец? Быстро!

Любимая дышала с трудом, да и не дышала. Он снял пакет, но панночка всё же не сдавалась. Он легко закинул второй пакет на голову тёщи, тремя-четырьмя крутящими движениями затянул пакет до бездыханности.

Жёлтый абажур разносил мягкий свет по кухне, в котором под отсветом блестящих обоев на стуле извивалось гигантским червяком упакованное тело тёщи.

Милая сдавленно прохрипела:

– Мама...

Тёща затихала.

– Имя... Посмотри на маму! Имя!...

Она упрямо откинулась на спинку стула и прошипела:

– Пошёл ты на хер...

Верес молча надел снова пакет на голову любимой и затянул на шее...

Айседора, я твоё колесо судьбы.

*

...Он прошёл мимо неё на кухню и сел за стол, дожидаясь пока она усядется по диагонали. Деньги лежали на краешке, денег было мало. Тем более, подумалось ему, но он не спешил подыматься. Через некоторое время сквозь лихорадку возбуждения он отметил, что в телевизоре в углу развивается «брачное чтиво». Он счёл это мрачным предзнаменованием. Рассчитывая уловить её естественную реакцию, он пресно поддерживал разговор с минуту, и неожиданно тихо произнёс:

– а N- скому я зубы – таки вышибу, – и по расширившимся глазам понял, что всё подтвердилось.

– Последняя благодарность, милая... – и стремительно отвесил ей оплеуху, тут же оказавшись на ногах и в два шага заступив ей за спину. Левой рукой он ухватил её за чёлку, а правой орудовал классными канцелярскими ножницами, загодя припасёнными в заднем правом кармане джинсов. Роскошно подкрученные белокурые пряди опадали на плечи и на пол, взлетали в воздух и порхали клочками неотправленных писем гнева, в то время как она уже бессильно вертела головой, пытаясь оттолкнуть его руки. Человек превратился в деятельного жнеца на ниве жизни. И бушевавший в сердце долгие месяцы мартен начал высвобождаться от космического жара.

– Так метят шлюх... – и он отступил в сторону, с глубоким чувством окинув глазом её обезображенную голову.

Затем шагнул, приподнял уроненную ею на руки голову и чёрным маркером нанёс ей на лоб кривоватую букву «Б».

«Запрети мне жить на воле, всё на воле может стать: запирую на просторе и за мною не угнаться... Птицы радости – не сойки, двойки – лебеди печали; в этой выкройке-закройке нас лекалом назначали».

Он в очередной раз проснулся заполошно, сердце сжалось и затрепетало в груди бешеной птицей, в ночи таял горячий шёпот, и будто прохладная ладонь только что взъерошила спутанные волосы:

– Ёжик, по дорожкам бёж...

Но сердце не остановилось.

ГАРАЖ

Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь.
И под её атласной кожей
Течёт отравленная кровь...

Есть разница. Когда девочка бывает под кайфом, нам, необстрелянным, кажется – будто напилась, но эта – законченная наркоманка.

Он стоял у задней дверцы машины и наблюдал через заднее стекло, как они возились на сиденье, пытаясь поставиться.

Наскоро сплелись руки – ноги, коротко блеснули шприцы. «Заблеснили» снова, нашли свои жертвы: там тонкая рука, там ступня клюнули на наживку. Все расселись и тронулись в путь.

Она откинула в его сторону лицо «на приходе», растекающееся ещё больше из своего тронутого имбецильностью выражения, размытое и бледное. «О – то и оно!..». Муж-наркоман за рулём, и она – размазанная по заднему сиденью, едут домой к собственному ребёнку. Их «Трамвай Желание» двигался по сумеречной улице, удаляясь.. или приближаясь? В нем зародился вопрос, в его сжимающихся холодеющих внутренностях. Ответ был заперт в её закрытых глазах, под опухшими веками. За рулём сидел наркодилер, а рядом с ним – девушка, которая скоро сойдёт с этого маршрута. Навсегда.

Поменяется ветер, и я поменяюсь. Он начал так думать с тех пор, как погиб его сын от передоза. Жена пережила сына ненадолго. Он оставался врачом скорой помощи, но любая смерть, оставаясь промыслом божьим, несла комплекс причин, которые воздвигал на себя сам человек, и это было избавлением от мук, от жизни, которую навязал нам текущий век. Один вызов, правда, он запомнил навсегда, тогда подросток погибла в ванной из-за отказа газовой колонки. Он вечером сидел за столом на кухне, задвинув локти вперёд, и сам не понимал, что слёзы текут по скулам. Перед глазами стояла бесподобная по красоте девочка. Обнажённая и уснувшая, будто её оставили на пляже, лицо тронута чужим сиянием, и пряди медных волос колыхались в сонной воде, оплетая ветвями нежное восковое лицо.

Софья тогда подходила к нему и обнимала за плечи: слёзы текли, и не было возможности их остановить.

Он начал выпивать, не мысля жить одному, и поменял работу на коммерческую. Новые товарищи любили отдыхать широко, однажды появились путаны. Эту девочку он сразу узнал: копия изъятая из ванны. Потому ли, что он был пьян, или стрелки на часах создателя пересеклись, но он её сделал своей. Она естественно повелась, это было видно с первого взгляда, он видел явственно то же сияние, не осознавая, что это сияние смерти. Она была готова завязать, и она хотела ребёнка от него. Он только представил солнечную девочку от неё и забыл обо всём.

Не сразу его озадачило, сколько времени она проводит в туалете, в душе. Пытался наладить её питание, избавить от запоров. По возвращении домой она прожигала постель, когда рука с сигаретой «на вдруг» отваливалась от губ. Какое-то время такое длилось, а потом она становилась обычной: ласковой, хозяйственной, разговорчивой. Поутру он видел мрачную сосредоточенность на дне её глаз, молниеносно она собиралась: на работу, маркетологом в магазин одежды. Вечерами он подвозил её в пару определённых мест: отдать-забрать долги. Лёгкая нервозность, а затем – радостная улыбка встречи. Однажды он тряхнул её сумочку и нашёл два крохотных узелка с порошком. Она их истерично вытряхнула в открытое окно.

Это был жест фокусницы. Когда он ушёл в душ, она собрала всё по крупинке с подоконника.

Он смирился с героином, глядя в её синие бесстрашные глаза. «Всё же лечится», надо только несколько доз амфитамина.

– Наркоманам не нужен секс! – льнула к нему, возбуждая, – хочется прямо звериного... Вскоре она начала исчезать по нескольку дней, находя повод для ссоры.

Стояла пронзительная пора, осень, когда люди всё чаще задерживают взгляд на опилённых обрубках деревьев, не укладывая в голове, что когда-нибудь целлюлозные солдатики оперятся смелым хвостом прутьев и нежным пухом листвы.

В дальнейшем врач перестал что-либо понимать в перипетиях скандалов, примирений, подозрений, он уже крепко пил.

Каждый раз вновь горела незащитная татушка на бедре, и вдосталь плескалось лихорадки во взгляде.

– Научи девочку любить...

Он не знал, что вокруг смыкается кольцо её давних недоброжелателей, с одним, её бывшим шефом он даже был знаком, напряжённость росла в ней, и в один прекрасный ясный день после рыбалки он был поражён феерией секса в машине перед домом: нетонированное лобовое было как экран, лихорадочно – джинсовую куртку – на зеркало заднего вида – шторкой; и невообразимый зажигающий сексуальный маятник на кухонном стуле.

Она призналась, что больна СПИДом.

Он же едва не пошёл в науку, только ребёнок не позволил, и Софья болела.

С этим тоже живут, и в ближайшие десять лет найдут панацею. Главное, что от спидовых родителей рождается здоровый ребёнок. И даже наркоманов-новорожденных в роддоме переламявают.

Бывший шеф просветил, что устраивал ей лечение пятирежды, и она всегда сбегала, в свои двадцать три. Сбивала дозу и начинала по новой. Вырывалась свежей, прокачанной, юной и желанной. «Совмещать приятное с полезным».

Он всегда писал ей письма в ноутбуке. Как дома в городе плачут по ней, окутываясь осенним туманом, и палая листва скрадывает звуки шагов, чтобы ничто не мешало услышать тихий звонок от неё, беглую смс-ку. Во время одного из исчезновений он написал резко: Ты – животное.. Она случайно прочла и убежала босиком в осеннюю мглу.

«Мы все болеем...» Он сплетал в себе жалость и любовь, когда она валялась на ковре первые минуты «прихода», спустя несколько месяцев раз от разу ей требовалось всё больше и больше. И она сама попросилась на лечуху.

Эта вынужденная разлука будто натолкнула его на стену, чем и отрезвила; и, сам того не подозревая, он продолжал думать, суммировать, а, может, и наступил час прозрения.

Когда она вернулась из диспансера раньше срока, через неделю, притащила подругу с отечным личиком, он поверил – выздоровление – если спят весь день. Вечеру праздновали излечение по всему городу, наутро они обе сбежали.

А он начал день как обычно, как ни в чём ни бывало. Контрастный душ, дыхание, на выходе из душа он зацепился боковым зрением за подножную решётку.

«Гараж». Под решёткой валялся «гараж».

Ничего особенного в том, что он вспомнил, как она продавала героин какому-то таксисту. Она ему показывала много таких: он научился видеть в городской толпе эти нездешние взгляды накануне ломки. В глазах закипела память о сыне. Он сидел и смотрел на свои руки, ладонями вверх. Руки врача, которые всегда спасали. Солнце поднималось выше самых высоких крыш, стояло недвижно целую вечность и также равнодушно опускалось за линию горизонта.

Тени на ладонях сгустились и поглотили линии, бугры и складки. Ладони почернели, а он сидел и глядел на них.

Она, конечно же, появилась. Любящая, уверенная, голубоглазая – иголки зрачками. Он налил коньяк в бокалы и вывел её на балкон. Она любила сидеть на перилах, спиной к ночному

городу, с такой химией в крови её ничто не пугало. Но у неё было звериное чутьё, которое столько лет помогало ей выживать в невероятных условиях на панели и находить покровителей.

Доверчиво взглянув в его глаза, она что-то поняла и чего-то испугалась, и он прочёл в доли секунды, что она нырнёт ему под правую руку в дверь, в спасительную глубину квартиры. Он не мог быть быстрее неё, героин обостряет все чувства в разы. Он слегка с запозданием, но классически, как в баскетболе – мяч, обеими ладонями синхронно оттолкнул её от себя за плечи. Высота – семь этажей.

«Гараж» – колпачок от шприца

ВСЁ БУДЕТ ГУДЕРМЕС!

Все сидели в полутёмной комнате, в питерской коммуналке, на годовщине диплома. Иногородные и ленинградцы. Среди множества комнат и лабиринта коридоров и дорогу к туалету приходилось искать, словно в проходных дворах, спрашивая запоздалых прохожих. И ели, кажется, «оливье», пили водку тогда, конечно. И впервые все почувствовали единство, чего не бывало и в годы учёбы (бесшабашного братства, сестринства, как хотелось бы. Но не было тогда этого. Не было.)

Впервые питерцы «снизошли», чада «главных» и «главных», или просто золотые медалисты. Им простили. Словно стены какие-то раздвинулись незримые, и захотелось сокрушить оставшиеся, реально выйти покурить на свободе. Полутёмный коридор напоминал штольню со штреками. Это был наш составленный лихо бронепоезд, и мы запутались в дверях, переходя из вагона в вагон. Братание с питерцами перешло в плодотворную стадию, когда волонтеры Лёха с Юриком невзначай взломали древнюю дверь на лестницу, как оказалось, аж в соседний подъезд. Дверь была благополучно забыта аборигенами в пыльном култуке, а нынешние фантомасы отворили портал и только что не перелапали девчонок местных. Лёха рвался шутить по-нездешнему и после разнообразных нелепостей провозгласил наконец-то тост: – Всё будет гудермес!, – как говорят про замес, привес и..политес.

Только девочка одна, хозяйка стола, поэтому самая внимательная, спросила вслух, а где это и чего это. Он и сам не знал. Слово какое-то показалось вкусным.

Меньше чем через год грянула война. Тут-то и замелькали в новостях Хасавюрт, Курчалой и другие.

И страна провалилась в чёрную дыру. Если вторая мировая забрала лучших, добровольцами уходили последние патриоты, здесь выкосило зелёных, дорвавшихся до «калашей», до «мух», кто ещё не стал цветом нации, да и, наверное, не смог бы им стать.

Позже пришло облегчение-знание, что сами наши выпускники слишком взрослые, чтобы воевать, а дети ещё не подросли.

Он был в Грозном в командировке в 85-ом. Напротив президентского дворца был кинотеатр, и он стоял в очереди на югославский эротический фильм, в костюме с галстуком, поскольку другой одежды не было, и было солнце и жарко, и две юные чеченки в миниюбках флиртовали с ним, смеялись белозубо, и далеко на севере его ждала семья, и тогда никто не знал, что такое хиджаб, и он купил там томик Гейне прямо на улице, на распродаже с лотка.

Потом он видел по ТВ разбитый дворец, но не хотел и думать о судьбе тех девчонок.

И Лёха ужаснулся. Он сам не знал, зачем ему со своей кучей детей беречь душу этими откровениями.

Он был простым инженером и спал частенько на рабочем месте. А тут жуткая открытка из будущего, приоткрылась и захлопнулась, как плотная тяжёлая кулиса.

Догорала советская эра последними кумачами на улицах, он припомнил, что учил когда-то английский, да и на завод приехали иностранцы. Он совершенно случайно участвовал в нескольких уникальных строительных операциях, горел, тонул, ему всегда сопутствовала удача, даже в безнадёжных ситуациях. Это заметили, стали приглашать участвовать в опасном деле. Он вёл себя независимо, ничего не требовал для себя, в отличие от рабочих, опрометчиво полюбивших публичность, и ИТР, стряпавших свои дела с руководством кулуарно. Не имел ни квартиры, ни достойной зарплаты. Засланцы его ценили за редкую удачливость, несмотря на бесшабашность и нарушение сухого закона на стройплощадке.

Должно быть, он привык к инъекциям потустороннего, и потому смирился с ночными полётами. Он научился летать во сне, где он ложился на пол в пустой комнате, напрягался или расслаблялся (не мог определиться), но тело становилось послушным, и он подымался к потолку, трогал руками отбойную ленту на обоях и планировал в открытые двери. Кому-то, кого он не помнил из снов, он показывал, как это легко и без опаски. Хвастал, должно быть.

Никто ему куража не простил. Уволили по сокращению штатов при первом же удобном случае.

Он не хотел дивидендов со своего дара, мозжечком чувствовал, что его везения хватает только на бескорыстные экстремальные ситуации.

Он связался с пароходами: в морской торговле требовались технические спецы. Опять он поражал всех, как выныривал в жестокий шторм, замерзал вымокший по грудь или выпивал сутки напропалую. Особое место в себе отводил странностям: не подавать нищим на улицах и не искать людей, кто искренне бы нуждался в материальной помощи. Он и поделиться-то мог не многим. Логично при этом было оставаться некрещёным и не жалеть об этом.

Жена его начала зарабатывать очень много, и, как водится у неумных женщин, задумалась об их неравенстве и пыталась его оставить, а он ушёл сам, назло завёл девушку, в этом он мог бы выбить и дуплетом. Эта женщина – подарок судьбы, была любимой, но его протолкнула мимо какая-то вздорная тёмная сила, как во встречных потоках в дверях вагона метро.

Снова появилась девушка, и он привязался намертво. Она бы его погубила, и было уже близко к тому. Он был за рулём, когда на трассе его вместе с ней шарахнуло влобовую со встречной «Волгой». Он вышел без единой царапины, ведь здесь никто его не мог превзойти.

Он наконец собрался жениться, когда кинулся в новое строительство, и тогда он не летал уже по ночам.

Никто его не заставлял жениться, и мать молчала, а сестра рубанула в лоб, как только она умела: трёх лет не дала этому браку. Он не успел и задуматься, как за три недели до свадьбы умер его сын, за три дня до загса будущему тестю поставили смертельный диагноз, за три часа до церемонии родители невесты застряли в лифте, через три часа «после» в ресторане, как и во всём квартале, отрубилось электричество, и в зале без кондиционера подскочила температура выше, чем в невероятной уличной жаре. Если до этого жизнь часто казалась оживлённой, то сейчас он попросту окаменел. Словно перешёл в разряд праздного зрителя, перед которым его клон представляет грозный неведомый сценарий.

Для новой жены было не больше чем игрой, когда она заставляла его повторять, что никого никогда он так не любил, неизвестно сколько раз.

Жена начала изменять, когда он надолго и опасно заболел.

Он решил креститься, скорее чтобы изменить расклады в затянувшейся пьесе. Как будто хотел уговориться напрямую с автором, поверх смертных голов. А в монастыре его покорили певчие, огни и дымы, чёрные одежды и живые слова молитвы. Он повторял их, горячие, пока шёл и шёл по морозу с намокшей головой, и мороз его больше не брал.

Тут-то он и приехал в последний раз на годовщину выпуска. Весь день гулял по Питеру с дочерью, помолодел на тридцать лет и узнал, что все однокашники поют песню, которую он написал 30 лет назад и забыл про неё. Примерно той же давности задуман был рассказ о битлах, когда убивают, он всегда чувствовал, что кого-нибудь из битлов должны неминуемо убить; и он написал, как Джон Леннон, ощутимо главный обречённый из них, ловит узкой грудью выстрел прямо на сцене и падает вперёд лицом, делая последний шаг, запутавшись в проводах.

Он писал это ровно за год до смерти Джона.

ЮДИФЬ ИЛИ ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

.Озвучивать свои вопросы нежным шёпотом, будто струящийся среди камней лесной ручей, или в знойной дали блуждающий бубенчик: любимая послала Вам запрос через плечо, замерев перед окном, шкафом, будучи уверена, что поезд достиг конечной станции – Ваших ушей в соседней комнате. После чего следует взрыв негодования, если оппонент не в состоянии реагировать, а тем паче осмеливается переспрашивать всё громче и резче.

С подругами всегда беседуется глаза в глаза.

2. Наряду с бесконечным ворчанием мужчине отводится роль благодарного слушателя. Имеющий да возразить воспринимается как оскорбление.

Подобное хамство соблаговолится искупить кольцом с брюликом либо эквивалентом.

3. Женская ложь – такой же каприз, как выкурить сигарету.

Привыкайте к тому, что для женщины она в каждый конкретный момент является правдой.

Если она расходится со вчерашней, – так то ж было вчера.

Если Вы об этом напомнили, Вы узнаете, как глубоко вы ненавидите её и всех её родных и близких.

4. Ничто не изменит мнения, что вы чересчур долго одеваетесь, хотя вы будете стоять одетым неизвестное время, и придётся ещё возвращаться. Ничто не поколеблет уверенности в том, что вы ни на что не способны.

Просто вы навсегда остаётесь для неё ребёнком.

5. Вы отсылаете себя к п.2, когда она чехвостит фотографии Ваших бывших, когда хватается своими бывшими, но ни в каком перепуге не укладывается, что Вы должны ещё ими восторгаться!

Хватает и того, что удаётся не корчить мину при появлении на экране Её любимого актёра.

6. Если женщина обмолвится, что вы умны, и, упаси боже, что Вы её завоевали, ждите вечного кошмара. Каждый грешный день она будет жалеть об этом, придираться по поводу и без повода, всем существом восставая против мужской состоятельности.

А вы и не пытались стать её кумиром.

Возможно, из этого проистекает пункт №1, 2, и 4.

7. Приготовьтесь, что вашим отношениям будет мешать Ваша рабочая планида. Даже если Вы всё оставшееся время будете работать феном на предмет сдувания пылинок с любимой, Ваш карминовый сон в летнюю ночь неминуемо закончится. С беззаветным служением своему делу Вы окажетесь по другую сторону баррикады.

Свой ум нужно направлять на удовлетворение её прихотей, свой юмор – на её увеселение, даже свою дурь возможно применить лишь во благо её (см. пункт №5).

8. Ни одна женщина не в состоянии выслушать Вашу мысль до конца, перебивая пословно. Да и доведи Вы её до логического завершения, не стоит думать, что всё отложилось.

А Вы гордились тем, что на многолетних совещаниях выработали краткий и содержательный стиль изложения.

9. Женские слабости есть достоинства, мужские добродетели принимаются только в отношении Дамы сердца.

Если Вы проявляете благородство к посторонним, а тем более к женщинам, Вас отлучают, для начала, от постели.

Она и не подозревает, как Вы рады передышке.

В иных вариантах Вы поставите её перед фактом, что жизненно необходимо на ночь глядя перебраться трамблёр или замок зажигания.

10. Давно забыта та роковая минута, когда Вы заикнулись, что Вам нужен секс каждый день. Вас подняли на смех, намекая на прежний опыт, что так говорят все, а потом требуют перерыва для освежения чувств. Вы получаете своё раз в неделю, выслушав дифирамбы о Вашей безумной сексуальности, как то: Вы первый мужчина, который умеет так целоваться, обниматься, касаться и двигаться. Будьте уверены, что она Вас захочет именно тогда, когда Вы в этот день валили деревья и прошли пешком 16 километров.

11. До встречи с ней Вы носили клетчатое. От квадратов у неё рябит в глазах, а от Вашего любимого парфюма её тошнит, она не может взять в руки книги, которые им пахнут, она чурается предметов, означенных Вашим запахом, а Вы каждый день открываете платяной шкаф на волне её знакомого пота.

12. Несомненно, что Вы постоянно храпите, превращая её сон в мучение. Однажды у Вас возникла безумная мысль записать её собственный храп. Хватило ума похоронить эти мысли под гнётом неминуемого и невообразимого возмездия.

13. Вам не поможет, что вы вечерами занимаетесь английским для пользы карьеры. Это значит лишь то, что Вы не закрутили в это время лишний шуруп по дому, и изменяли ей с Агатой Кристи.

В отместку она Вам изменяет без особого удовольствия, а потом искренне удивлена Вашему шоку, мотивируя тем, что в анатомии, дескать, после измены ничего не меняется, и она, соответственно, становится ещё желанней.

14. Появляться на кухне и заниматься уборкой Вам воспрещается, всё будет подвергнуто жесточайшей обструкции (апробация пункта №5).

Ненавязчиво Вы поймёте, что пылесос – это Ваше, и чтобы отвлекать Даму сердца, Вам позволено себя обшивать и обстирывать. Кроме того, воспоследуют ежеминутные просьбы подать тарелку глубокую, черпак, чёрный перец молотый, и сбежать пару раз в магазин за какой-нибудь специей.

Неважно, что это доходит до моразма, по Вашему мнению. За несколько часов до Нового Года Вас отправляют в магазин за свеколиной. Вы возвращаетесь за два часа до праздника по полной синеве, в блёстках и помаде, при этом не разоблачён.

Она засыпает пять минут первого над салатом собственного сочинения.

Подразумевается, что все счастливы.

15. Не дай Вам бог оставить газету на полу у кресла, вы – монстр, при этом Вы будете ежедневно запинаться о зонты, сапоги, роман Дарьи Донцовой, раскрытый на двадцать седьмой странице.

Комментарии не допускаются.

16. Ладно, когда она убирается, не заглядывая под диваны, кресла, но она однажды в Ваш отъезд умудряется покрасить полы, оставив незаполненными квадратики под мебелью.

17. Если Вы позволяете себе ежедневно по кружке пива в кругу друзей, Вы – алкаш. Невзирая на то, что свою даму Вам приходится иногда транспортировать через плечо. В её случае – это предмет хвастовства перед подругами. В Вашем – возникает подозрение, что необходима ссылка на пункт №5.

18. Ваши деньги нужно активно тратить, с невинным удивлением размерами сумм, свои ... – Вам лучше никогда не знать, на что они расходуются.

19. Женская забота:

На больничной койке Вы обязаны доложить чётко, что Вам купить на Ваши же деньги.

Поплохелось Вам дома – она укажет, в какой позе нужно прилечь и чем укрыться.

Пусть у Вас нелады с сердцем, но – эту полочку надо прикрутить, и обязательно напомнит выпить вовремя таблетки.

20. И если, наконец, после никогда несъеденных кастрюль, доходит дело до секса, Вы позиционируете по навеки установленным правилам. Никакого света: Вы пытаетесь изменить извечный сценарий, добиться толерантности по одной новой позиции в год, при всём – при том остаётся незамеченным, что Вы становитесь всё искуснее.

21. Вы наблюдаете, как Ваша обожаемая малышка дочь взрослеет и становится настоящей женщиной.

Грустно улыбаетесь.

ДЕЛО О ПЕНТАКЛЕ. ЭПИЗОД I

Лёня имел фамилию вполне русскую, исключая необъяснимое дополнение в виде мягкого окончания. Мягкого знака. «Ь». Это далось его белорусским происхождением.

Он мог долго разглагольствовать о родных местах под Лидой, где происходили события «В августе 44-го», это набрасывало героический флёр на его внушительную подтянутую фигуру (денег на шикарный живот не доставало). Собственно денег у Лёньки никогда не было, и кормили его соседи по комнате. Наряду с прошлым блестящих операций армейской разведки у него имелся превалирующий одесский акцент, с которым он поражал сибирских соседей цифрами о промышленном лове кормовых лягушек для французского труженика. Кроме того у него был план: чтобы не хотелось есть, а еды при двухметровом росте требовалось много, нужно голод про-сы-пать. В плане замены питания сном. Личный рекорд Лёни составлял тридцать два часа непрерывного небдения. Книгой рекордов Гиннеса рекорд не фиксировался по причине неподачи заявки. Железный занавес не хотите ли, «холодная война»! Соседи уезжали в институт и возвращались, сменялись времена суток, отживали свой век лампы накаливания и летели в мусоропровод, конспекты набухали чернилами, а бессменный страж общаги презрел вихри времени в своём углу, как горизонтальная статуя Галатеи, и ожидал изредка, едва только запах редкой трапезы достигал его тонких ноздрей. Благословенное время: когда чугунная сковорода с жареной картошкой слаще креманки.

Кроме полатей Лёня обожал горячий душ, даже без Шарко. Он вождедел этого и стремился к личному рекорду. Времени для омовения бывало достаточно, чтобы выстиранные трусы высыхали на батарее отопления. Его соседями по комнате были записные балагуры, их шутки граничили с деструктивной жестокостью. В один прекрасный вечер накануне полнолуния они невозмутимо дождались, когда прополощенные заботливой рукой трусы легли на горячие чугунные рёбра, хозяин направился в сантехнический рай, и набросились на клочок материи как койоты, жуткие хищники диких прерий. Надобно сказать, что суровое мужское бельё имело привычный советскому потребителю радикальный чёрный цвет. Возможно, верные товарищи имели неопределённые политические воззрения, потому как из анархистской выкройки они выстригли строгие будённовские звёзды. Две сзади и одну – главную, адамову, спереди. Награды украсили наволочку героя, самыми крепкими нитками. «Цыганская» игла и «суровая» нитка – верный друг студента НЕ института текстильной и лёгкой промышленности. К слову заметить: Ленинградский институт упомянутый выше ЛИТЛП трактовался в серьёзных вузах как «литл пенис».

Постель заправили для вящей верности сюрприза. «Весёлый Роджер» вернулся на свой чугунный эшафот.

Минутка ожидания длиною в час... Предвкушение триумфа постановщиков шедевра. Это яркое чувство сродни ожиданию пассажира в неволе, в междугороднем автобусе. Вы видите его одухотворённое лицо, обращённое к окну, на нивы туманные,двигающиеся назад слишком уж замедленно. Взгляд его бессмыслен для постороннего, обращён вовнутрь, к запёртым страстям внезапного приступа диареи. Где ты, следующая остановка? Только больше никакого общепита!

Лёни всё не видать. Все были наготове, когда наконец открылась дверь, увлечены светской беседой на кулинарные темы, буквально не заметили появления нового действующего лица.

Тарзан прошествовал через комнату с полотенцем на чреслах и первым делом подхватил заранее припасённую сигарету. С подоконника, за которым его захватил вид, открывающийся с одиннадцатого этажа на затавоченные рельсы трамвайного маршрута Натянув на бёдра свежее бельё, прим обернулся и взял слово. Зачарованный зритель с замиранием печени следил, как полотенце соскальзывает, долженствующее открыть аккуратные трусы. Назначенный премьером ожидал того же, но резко ощутил неестественную вентиляцию ниже пояса. Да так и остался с опущенными долу глазами. Статуя жены Лота выглядела исторически неправдоподобно, но смотрела на самое дорогое. Взглядам восторженных зрителей, они же исполнители торжества, открылся распаренный хлыстик, да простят меня братья Запашные. Надо ли говорить, что всю неделю Лёня почивал на звездатой наволочке, и наконец вместе с общим постельным бельём она отправилась в прачечную. Каково же было изумление нетрудящегося населения, когда через неделю в комплекте на комнату она благополучно вернулась к лауреату. И это в многотысячных общежитиях огромного института.

Среди влажно-нестерпимой зимы наступила сессия. Все давно привыкли к монументу в углу, так что явление одевающегося с утра Леонида было почище оживших коней Клодта. Чрезвычайно аккуратный рослый студент начистил ботинки, выпрямился и напоследок приложился ладонью к наволочке. Сухо бросил соплеменникам: – Уперад! —

Шагнул за дверь.

Каждый день Лёня сдавал по несколько зачётов и успешно закрыл сессию.

Позднее завистники похитили наволочку, и Лёня потерял свою позицию в институте.

Если бы волнения на Ленских приисках 1912 года, произошедшие из-за конского пениса, явились толчком победоносной революции, что бы стало символом победы русского пролетариата?

САША НАША

Центр дополнительного обучения, весь крошечный коллектив, был заражён одним настроением. Подавленность перипетиями прошедшей ночи передавалась по тревожному воздуху и отравляла подмороженное утро. Как и не было вчера ласковой осени. Как обычно, все и каждый подходили с утра на крыльцо, мимо лавочки, накрытой старой простынёй, а затем бросались обратно и замирали близ неё. Простыня скрывала под собой словно продолговатый тюк с одеждой, тряпьем или пару тюков со старьем. Тело уборщицы Саши.

Сторожиха Ира увольнялась. С утра она всех и каждого убеждала в своей неоткупной вине и перечисляла все вечерние напасти Саши, её бессчётные походы за водкой, свои звонки Шашиной дочери. Саша отказывалась укладываться и рвалась на улицу, во внезапно остывшую тьму. Пьяные обмороки подкашивали её повсюду, и она рушилась головой о бетонный пол. Её такой не могли упомнить, у каждого обнаружили дома незначительные безделушки, выкроенные Сашей из нищенской зарплаты и задаренные коллегам.

Измученная Ира выслала Сашу домой, та снова ломанулась в стекло пару раз и в итоге пропала. Наутро Ира обнаружила Сашу на скамейке у входа бездыханной. «Замёрзла!» Ира не могла отойти от шока, а тело на лавке пролежало почти весь нескончаемый день, за который Шашину дочь так здесь и не увидели.

Дмитрий Пахомов, не особо загруженный педагог по причине ликвидации кружка военной подготовки, вызвался в следующую ночь за сторожа. Пахомов по состоянию здоровья был выведен из состава спецназа ГРУ и с Кавказа, и теперь прозябал на гражданке.

Димон был на середине кроссворда, прокручивая с тем же один и второй кредит на будущем тотализаторе, как до него донёлся посторонний звук из недр здания. Живо вскочив и выскочив в коридор, озадаченно замер на месте, изучая перспективу безучастной пустоты и замкнутых дверей. Стук не повторялся. Ноги привели его к кладовке уборщицы.

Он отомкнул бендешку. Распахнул рывком дверь, вроде как хоронясь просвета. Никого. Откуда-то из подпотолочья тускло цедила миллиграммы грязного света тифозная лампочка. Не слишком стараясь добраться до углов. Димон бросил напряжённый взгляд в один из дальних. Там хором сгрудились швабры-шмабры. Вгляделся: на него надвинулся сонм косых крестов, мог бы поклясться, он набух в высоту и качнулся навстречу. В ушах зазвенело, рука безошибочно легла на бедро. Пусто! Долю секунды по-полглаза наружу, влево-вправо в концы коридора. На шаг сзади затылком ощущая стену, спина прикрыта. Управляясь с дыханием, крепко стоял на полусогнутых, глазами навывкате выкладывал на сетчатку и запечатлевал со своего ракурса картинку по глубине. Хилая утварь по стенкам, доисторический скarb уборщицы общественного учреждения. Все предметы по своим убогим местам. Не считая одного... Вся бессчётная свалка, переложенная тряпками, расположилась в строю ветеранов разбитой некогда, но непобеждённой гвардии. Кроме старого пластикового ведра. Вывалившегося набор. Не было ни единой причины, не было в мире такой силы, что могла бы уронить ведро набор в запёртой комнате. Пахомов тяжело размышлял перед открытой дверью, сопоставлял детали рассказов прошлой ночи, как Саша сучилась по туалетам, бендешкам, но чаще всего вламывалась в эту, свою. «Заначку имела», – поняли все разом. Острый запах опасности вызвал непереносимую жажду, но искать заначку он решительно отказался. Что-то подсказывало, что именно эту заначку трогать не стоит.

Ночь всё плотнее обкладывала окна, Димон сидел в светлом кабинете и не признавал мысли, что не стремится и носу казать за дверь, даже покурить – на улицу. Тем не менее, когда преимущественно стихло, и огоньки окрест заметно поредели, его понесло во двор для перекура. Вокруг тени лепились к теням, братались тени от живущего с тенями от бетонного, арматурного и перемешивались, сливались между собой и собственными хозяевами. Пахомов дышал полной грудью, примирившись с соседством скамейки, поёживаясь и оттягивая минуту возвращения. Откуда-то сбоку долетели звуки шагов, приблизились, он повернулся и глянул мельком.

Враз его осыпало холодным потом, ноги прихватило к асфальту. Из тени, из царства теней к нему приближалась Саша, глазищи горящие в поллица. Скрыться не было уже никакой возможности, не по силам. Саша приближалась размеренными шагами, нарастала во мраке как кладбищенский перечень ужасов, выпрыгнувших разом из раскалённого черепа, и выступила в освещённую полосу...

Пахомов начал дышать задолго после того, как незнакомая дама миновала здание центра. Он обхватил обеими руками голову, волосы шевелились.

«Такого под Хасавюртом даже не было..»

Тени стояли вокруг немим караулом, а у крыльца отцветающий гербер жутко оборачивался на повлажневшем глазу одиночным цветком одуванчика.

Экспертизой было установлено, что смерть женщины наступила по причине многочисленных черепных травм вследствие падений.

P.S. Через полгода после похорон непостижимым образом у дочери Саши выгорела квартира

СЕЗАМ НЕПРИКАЯННЫЙ. ЭПИЗОД II

Настольный теннис – единственный общажный вид спорта. Кто помнит, то шарик был лучшим компонентом домашней дымовухи, ты просто умеешь их готовить. Пластиковая сфера ломается, крошится, заворачивается в бумагу. Поджигаешь и тут же затаптываешь. Идеально по продолжительности и равномерности выделения едкого дыма, тлеет до полного сгорания предмета.

Лёнька нежится в душе по часу, запираясь на ключ изнутри. Предварительно он запаковывает крохотную душевую навроде сосуда Эйслера. И священнодействует в допотопной бане (известны финская, русская, турецкая, а молодёжь выбирает «беловежскую»!))

Реципиент в душе, примерно около получаса, стабильно шумит падающая вода, операция «Иприт» запускается ввиду отсутствия сдерживающих причин. Когда-то, примерно в это же время, отчаянные в своей решимости полки строились на Сенатской площади. Волнение захлёстывает участников вакханалии и передаётся кончикам пальцев. Уже заготовлена дымовая шашка и доставлена под дверь душа. И принесён не знающий пощады, отыскан единственный на всю комнату, безобидный только с виду перочинный ножик. Приятели танцуют «в предбаннике», как у двери деревенского туалета группа прапорщиков на пивном пикнике.

Вот тут-то и падает фальстарт. Лезвие ножика бесшумно врезается в замочную скважину и намертво блокирует двухбородочный ключ. Дымовой патрон кладётся под дверь, и внушительная щель, словно того и ждала, жадно поглощает клубящуюся ленту.

Долгие минуты скрывают за шорохом воды титаническую борьбу за живучесть, одного, в замкнутом отсеке, что и не снилось другим на стенде, имитирующем аварию на подводной лодке, минуты подлинного героизма, достойные чести настоящего офицера флота. Изредка, всё реже и реже, лязгает ключ в попытке открыть дверь.

Это уже не игра! Это не твои товарищи, комсомолыцы, бросили тебя в каменном мешке, погибать в едком тумане! Я там, рядом с тобой, друг, я также приник к самому полу, прижался ртом к выщербленной коричневой плитке, ловя последние молекулы кислорода. В последнем усилии рука тянется вверх, к замку, и... ключ проворачивается! Распахнув дверь, ты уже на ногах. Что могло бы остановить центнер молодых мышц, летящий на пикадоров? Ничто... Если бы это не были советские студенты, будущие изобретатели и рационализаторы социалистического производства. Что мы знаем о корриде? О смертоносных орудиях умерщвления быка? Пики? Шпаги?

Не угадали. Одна на всех стеклянная пивная кружка. Когда все охотники врассыпную мчатся по коридорам, спасаясь от разъярённого вепря, только один остаётся прикрывать отход. Не самый выносливый, подкованный в карате и шашках, нет. Такой же сублильный, как и все.

Так же бывало, вылетаешь на всех парах, несёшься как весенняя вода из носика садовой лейки, к примеру, на свидание, готовый осчастливить собой весь белый свет, а судьба-то приговорила тебе коварный эндшпиль.

Витязь «без тигровой шкуры» готов расшвырять жалких псов, расплатиться за напрасные томления духа и плоти. Но для начала покинуть газовую камеру. Он вылетает самодельной пробкой из бутылочки тархуна, с каплями конденсата на могучих цвета варёного вепря

плечах на оперативный простор, и шибаётся с полной кружкой ледяной воды, летящей в промежность.

Лёнька не был поклонником контрастного душа, и в его глазах 0,5 л бодрящей водицы выглядело как ведро кипятку. Рык раненого зверя заставил содрогнуться обидчиков и за углом, и обратил в бегство.

Не взирайте, да не взираемы будете... Голый Лёнька летел по коридорам и шлёпал босыми подошвами по лестницам, нагнал одного химика, сграбастал в охапку, поднял, и, как Кашей, повлёк на место преступления. Держа на груди, словно курёнка, он ступил под душ, даже не ощипывая добычу.

Так активно отдыхали люди, лишённые бумажных книг и Интернета.

Надежды юношей питают, отраду старцам подают

САРКОИДОЗ

«Я был говорящей, мыслящей оболочкой, облачённой в кольчугу крепких мышц, а внутри меня кишели прожорливые смертоносные бактерии. Бесчисленные микроскопические интервенты, применившие коварную анестезию, т.к. я ничего не чувствовал. Я никогда не превращусь в монструозного оборотня, паука, щёлкающего хищными жвалами, но человеческого – внутри – остаётся всё меньше. Я часами вышагивал по булыжным мостовым, поверяя гибкость ног и подвижность торса, всё отменно функционировало. Я не монстр, но я – почти робот. Прикидывал, как сообщить *ma belle* о смертельном диагнозе. Случай представился сам собой.»

*

– Товарищи, спешка ли наше дело? – Сенцов здесь поднялся и возвысился над столом «Титаником» с рюмкой корейской водки и шумно втянул ноздрями: – Я однажды зуб себе вырвал круглогубцами! А вы хотите напугать меня вяленным ершом**?! – Нависал, – Пива мне! – Запрокидывая стопку в горло, протягивал левую ухватом перед собой. Застолье разгоралось по-обыкновению шумно, но дружно. Он закуривал, собираясь с думами. Не тот ли случай, где без бутылки-от не разберёшься.

Давным-давно, ещё до начала эры ассемблеров и картофельных чипсов, на одной квартире втроём из числа присутствующих они собирали гарнитур. Инструкций нет, рисунков или чертежей не водится. Одна на троих трёхлитровая банка пива, два шкафа и что-то ещё. Пиво кончалось, а у шкафов оставались лишние детали, мозговой штурм разбивался о прессованные опилки. Сенцов настырно кипел, но и он первый уяснил, как отделить котят от прайда. Поскребли по сусекам, и как только откупорили бутылку водки, – сразу всё разобрали и собрали уже готовые изделия. Шкафа-то оказалось три. Нет ничего адекватнее русской водки против законов Мёрфи*.

*

«Моя шалунья, посидев с подружками, решила меня разыграть и в этот миг набирала мой номер. Это игра такая: если долго не выходишь на связь, то тебе звонят с наездом «серьёзно поговорить». Я всегда ведусь на эту удочку: я сразу и ответил, умолчав лишь о намерениях моей родной тётки расположить меня на операционном столе. Тётка существовала в этой жизни медсестрой, но ей не давали покоя лавры хирурга, позволяющие добаться до моих внутренностей.

Легионы и легионы булыжников текли мне под ноги, мокрые мостовые старого города кривились в стёклах залитых очков жёлто-оранжевыми отсветами фонарей, меня обступила плачущая мать-природа.

Я шатаюсь по пустынным аллеям и швыряю немые вопросы, словно меч в тёмное небо, а они путаются и застревают, и остаются над головой в чёрных ветвях.

Должны же быть средства спастись! Антропософские, эзотерические, парапсихические, полтергейсические...

Отвага, честь и доблесть. Войти снова в это первозданное озеро: туда, где за тучей синее гора. Это можно, но нельзя войти дважды в одну и ту же золотоносную реку. Течение

прогресса, благосостояния и демократии. А ваше первородное озеро – на поверку – стоячее болото.

Блаженный век феодально-казарменного капитализма.»

*

В этом здании нет лифта, совсем недавно Сенцов пухом взмывал на четвёртый этаж, крошил электронную почту на мелкие мейлы и рассылал веером. Все они выходили обвинительными и требовательными. Что ж, Проект валился, как сухостой, и под собственным весом, и от малейшего внешнего возмущения. И не на кого было ему, заезжему, опереться. Эти местные лощёные менеджеры теперь только и кружили вокруг Сенцова, как тренированные падальщики. Они страховали друг друга враньём, порождая тонны бумаг, кучковались против общего врага. А дело делать было уже некому и некогда.

В этой гнилой похлёбке только специй не хватало: Сенцов поздновато понял, что один невзрачный малый с туповатой миной осуществляет всю контрразведку корпорации: «и которому ты не понравился». Официально он из финансовых специалистов и не имеет отношения к кадровой политике... Ты уже знаешь, что подсветка сотового неспроста вспыхивает по ночам, но поздновато...

Корпорация его писала и прослушивала, а Сенцов в сердцах много чего наговорил и напоязывал.

Секрет – на всю планету: теперь он осваивал навыки самообмана. Плющит организм от интоксикации – спиши на лёгкую усталость, присядь за чашкой кофе. Есть нужда – есть охота: примеряй на себя шкуру нелегала.

Зал совещаний здесь довольно мал для собравшихся, нависший, как пресс, подвесной потолок скрывает в своих полостях безжизненные каналы вентиляции. Вертикальные жалюзи вывесились бесславным набором клинков перед напором солнца в пятьдесят с лишним градусов по цельсию. Шеи в строгих пиджаках... Борясь с удушьем, Сенцов раскрылся: прошёлся катком по любимчику Хозяина. Вскрыл провал инжиниринга и дал убийственный, но точный прогноз отставания. Понял, что подставился, но верил в свою правоту и некоторую поддержку, хотя бы одного из влиятельных сих. И – ещё немного в удачу: тот сам открыл Сенцова в выходящей толпе после сборища и безотлагательно назначил «вечерний шашлык».

Он явно задыхался в открытом вечереющему небу кафе, стен тоже не было, лишь прозрачная оградка. Шеф с двух рюмок уже склёвывал воздух, ладонью проверял лицевые мышцы, как ленивый скульптор, на месте ли все. Сенцов слегка подивился идиличности встречи, настолько зашорено было всё напряжение последних недель, и в двух словах изложил аккуратно, но жёстко выстраданный план.

– Проект спасёт только конкиста!.. В самом её безжалостном и откровенном виде. Горстка преданных делу варягов, не связанных кумовством, порвёт этих аборигенов нафиг.

Шеф склюнул и вздёрнул нос, это была его способность моментально трезветь. Откуда-то искоса долетела одна шестьдесят четвёртая искренней нотки восхищения, и следом понеслась уверенная фальшь. Сенцов понял ожидаемое, что идея благополучно присвоена, и можно улыбаться и расслабляться в тон шефу. Тот переродился в деда мороза и балагурил, выхватывая жестами то ли невидимые каштаны из огня, то ли новогодние подарки из мешка.

– А для тебя скажу, что любимчика сегодня сняли..

Сенцов сразу-то и не поверил, что до этой минуты находился в другом измерении. Он обнаружил за столиком ещё двух благодушных соратников, за соседним – двух очаровательных женщин, затылком – родственную речную прохладу и, по необъяснимо выверенному азимуту, ожидающую вдали в постели любимую.

Шеф хохотнул:

– И я знаю, кто будет следующим.

Сенцов не отпускал улыбку с лица, и в общем веселье переваривал им лишь замеченную нотку искренности в свою сторону. Предупреждение выглядело не угрозой, но крайне правдоподобно, а если уж любимца не пощадили, то жатва продолжится...

Шеф поглядывал на соседний столик, и вдруг вернулся к Сенцову:

– Мне нужна хозяйка в съёмную квартиру. Ты же у нас плэйбой, – со снисходительной завистью кивнул себе, – Настоящий специалист по этому делу! – все его зубы были наперечёт в лёгком сумраке, от широты души.

А Сенцов не двинулся с места. Он мог бы легко оказать шефу эту услугу, тот особо ценил в подчинённых подобные таланты и удерживал таких при себе. А Сенцов остался сидеть, наверное, одолело скотство. С чем себя и слил.

А был ли мальчик...

*

«Многие беды несёт нам дурная наследственность. Мой дед сослужил своему внуку плохую службу, когда вывел свою конницу в последнюю атаку на немецкие танки и согласно приказу положил свой полк в подмосковную землю. И остался жив, потому что первых всадников пулемётчики тактически пропускают. Первых было трое в классическом строю: дед, знаменосец и ординарец командира полка. Сам командир полка остался в штабе, на хозяйстве. Дед остался жив и не попал под трибунал, потому что до истечения суток очнулся от контузии, ночью снял задремавшего с устатку часового и вывел остальных двоих пацанов из плена к своим. Знамя полка осталось за немцами, да они этих знамён и не хранили. Но геройский предок совершил две ошибки: не остался в тылу, в штабе вместо той атаки и прошёл всю войну без единой награды с несмываемым пятном плена; и не смог забыть лица своих павших бойцов и спился как боевой комиссар исчезнувшего в мировой мясорубке кавалерийского полка.

Подпольное лечение – никакой страховки, никакого дисконта. А так хотелось бы, как в супермаркете: что-то по скидке... Как-то бываючи, зашли в «Окей» под день рождения, взяли самое неотложное – выпивки и закуски, самой сытной, не более того, а глянули по чеку: ни одной покупки со скидкой.

Входя в эту дверь, я и не знал, что моя звезда в эту минуту закатилась. Что лоцманы, кацманы, каперсы и структурная декомпозиция работ рухнули в пропасть. Я ещё разглядывал бриллианты в глазах своей любимой, а за моим плечом уже стояла вечность.

Чтобы выйти, надобно открыть дверь. У этой двери оказался кодовый замок, кода к которому я не знал. Не замечая того, я с детства шагал вперёд и распахивал все запертые двери в своей жизни. Наверное, в моём сердце хранились коды ко всем замкам этого мира. Мы получаем эти шифры с молоком матери, а дальше не задумываясь шёлкаем алгебраические задачки за школьной партой, раскрываем донесения абвера, высекаем искры из сердец любимых и согреваем души друзей.

Вся эта история не стоит и волоса любимой, притаившегося на плече пальто вороного крыла. А вся моя жизнь для неё не более чем порыв студёного ветра; заслони же, милая, нежную щёку высоким воротником, пусть он будет щитом от меня. Для меня. *Aut cum scuto, aut in scuto.*

Любимая, я дарил тебе прекрасные розы, другие разные цветы. А теперь я смогу подарить тебе только лепестки своих лёгких.

– Да вы должны уже кусками отхаркивать! – фтизиатры вертели снимки как противни.

Впрочем, у тебя и на цветы – аллергия. Так повелось, что твоя любовь причиняет тебе только боль. Я поклялся сохранить её, на краю пустыни и густой речной волны, где многоэтажные творения человека бессильны перед удушающим зноем, где за окраинами города созревает серебристый лох и подступают пески. Может быть, в этот белёсый зной или в чёрный морок совещалова, одинокая бацилла и уцепилась в моём лёгком.

Итак, лицо вечности проглянуло меж рёбер на рентгеновском снимке. Тётка старалась, чтобы её фразы звучали неумолимо, а потом убегала плакать в ванную. Она не хотела разделить моё отчаяние, она свято верила в медицину. Не могла вписаться в этот поворот судьбы. Мама окаменевшим воробышком застыла в кресле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.